

Увидев зеленый кожаный ошейник с прикрепленным к нему регистрационным медным жетоном, я понял, что это хозяйская собака. Кобелек выглядел идеально ухоженным, как будто он только что вышел от парикмахера. Поведение и манеры незнакомца говорили о его хорошем воспитании и благородном характере. Фокстерьер проигнорировал общепринятые традиции взрослых кобелей. Он бесцеремонно не бросился под девичий хвост Бики. Он лишь слегка прикоснулся своим большим черным кожаным носиком-сливой к ее красивой стриженной мордочке и, втянув несколько раз воздух, сделал правильный вывод о том, что перед ним девочка. Высоко посаженный коротенький хвостик пришельца стал темпераментно ходить из стороны в сторону, явно демонстрируя радость от знакомства. Затем он вдруг резко отпрянул от Бики в сторону, широко расставив передние конечности, что означало приглашение с ним побегать.

Но резвиться в конце прогулки Бике, естественно, уже не хотелось, и она осталась равнодушной к приглашению. Как мне показалось, фокстерьер это отлично понял, но все же решил попытаться уговорить девочку. Подстриженной и расчесанной бородатой мордочкой он принялся нежно тыкаться в мордочку Бики. Такое необыкновенно галантное, тактичное поведение ухажера не замедлило сказаться. Хвостик Бики тут же заходил в радостном ритме, и было вид-

но, что собака готова уступить галантному и обходительному кавалеру и немножечко поиграть с ним.

— Что, нравится тебе Бика? — обратился я к фокстерьеру.

— Конечно! Как же такая необыкновенно красивая девочка может не понравиться нашему Тишке! — услышал ответ, звучащий человеческим голосом и исходивший сзади от меня.

От неожиданности я обернулся. Передо мной стоял высокий роста улыбающийся седовласый мужчина лет шестидесяти в дорогом элегантном сером костюме, белой рубашке и при великолепнейшем шелковом галстуке.

— Здравствуйте! — сказал он и первым подал мне руку.

— Здравствуйте! — ответил я в ответном рукопожатии.

— Василий Прокофьевич, — представился незнакомец.

— Анатолий Евгеньевич, — назвал я себя.

— А это мой Тишка, любитель девочек и страшный ловелас, — представил свою собаку Василий Прокофьевич, а затем продолжил: — Шли по улице Усиевича... Тишка шел спокойно рядом, без поводка. Вдруг ни с того ни с сего словно с цепи сорвался... Еле успел заметить, в какую сторону помчался негодник.

— С мальчиками это частенько бывает, — отметил я.

— Но он же, Анатолий Евгеньевич, так сломя голову, с пылкой душой не ко всем девочкам бросается. Он-то у нас далеко не юноша. Правда, и в молодые годы у него бывали случаи, когда из охотничьего клуба пришлют ему течную суку на вязку, а Тишка ни в какую крыть ее не желает...

Специалисты клуба его осматривали. Болезнь у него мужскую тогда признали — простатит. Я еще недоумевал, как так: у молодой собаки — старческая болезнь? А если бы вы видели, как Тишка мочится! Подбежит к дереву, поднимет лапу и такой выдает напор. Если мимо дерева струя пройдет, то в длину метра на три уж точно будет. Но я с врачами спорить не стал. Понял, что бесполезное это дело.

А буквально через день, назло этим коновалам, Тишка повязал соседскую сучку — пуделя. Они друг дружку давно хорошо знали и всегда на прогулке гуляли вместе. Любовь у них была...

— А где же сейчас его возлюбленная? — невзначай поинтересовался я.

— В Соединенные Штаты Америки уехала навсегда, — ответил Василий Прокофьевич.

Тут-то мне стало ясно про Тишкину пассиву. Я помнил эту историю. Некоторое время тому назад мне пришлось принимать роды у соседского черного пуделя. Восемь щенят тогда родилось. Одни из них оказались похожими на пуделя, другие — на фокстерьеров. Так они, во всяком случае, выглядели на третий день, когда я купировал им хвостики.

У будущих фоксов я оставлял хвост только на четверть от его длины с тем расчетом, чтобы в слу-

чае чего хозяину было ухватиться за него и вытянуть свою собаку из лисьей или барсучьей норы. С пуделями дело обстояло несколько иначе. Такой хвост, как у фокстерьера, пуделю совсем ни к чему. У него хвост служит украшением. Особенно когда он короткий и с кисточкой. Поэтому у щенят, похожих на пуделя, хвостик я оставлял согласно действующему стандарту на эту породу.

Помню, владельцы того пуделя от случившегося впали в шоковое состояние. И самое главное, они не знали, что им делать с будущим потомством. Я их тогда как только мог успокаивал. Приводил аналогичные примеры, когда шустрые фокстерьеры неожиданно для владельцев в один миг вязали не только пуделей, но и болонок.

Таких случаев в Москве одно время фиксировалось достаточно много. И, как правило, все щенки, родившиеся от таких незапланированных смешанных браков, подолгу возле мамочки не засиживались. Всегда находилось много желающих просто для души приобрести такого очаровательного щеночка. Не все любители животных, как оказалось, страдают тщеславием побед на престижных выставках, устраиваемых для чистокровных породистых собак.

Обычно новым владельцам такого помесного щенка я рассказывал историю про своего знакомого — знаменитого скульптора, чье монументальное сооружение красуется в центре столицы. Так вот, каждый год он изготавливал для своей любимой собаки-метиса очередную наградную медаль, на одной стороне которой изображал профиль ее отца — жесткошерстного фокстерьера, а на другой — портрет мамы — кокер-спаниеля. А мог бы заказать себе редкого породистого щенка из какой-нибудь зарубежной страны...

Вспомнил я еще и то, что владельцы той самой невесты, повязанной Тишкой, мне тогда сообщили по секрету, что случайно породнились с самым известным советским живописцем — народным художником СССР, пятикратным лауреатом Ста-

В. П. Ефанов

линской премии или, как ее потом называли, Государственной премии, академиком Академии художеств СССР Василием Прокофьевичем Ефановым. Так что можно было смело считать, что Василий Прокофьевич, хозяин прибежавшего к нам Тишки, и есть тот самый великий Ефанов.

С творчеством этого известного художника я был знаком еще со школьного возраста. В учебниках «Родной речи» в 50-е годы всегда были размещены портреты Сталина, как одного, так и в групповых композициях, выполненные Ефановым. Под каждым рисунком или картиной, помимо названия, находились сведения о ее авторе — «Художник Ефанов В. П.».

Портреты и портретные композиции Василия Прокофьевича Ефанова были всегда мажорны. Вождь и отец народов Иосиф Сталин выглядел величаво и торжественно, а общающиеся с ним люди изображались безмерно и сказочно счастливыми. Особенно мне запомнилась картина «Незабываемая встреча», висевшая в Третьяковской галерее. Мудрое и доброе лицо вождя и радостные лица людей вызвали у нас ощущение, что мы тоже присутствуем на этой встрече. После посещения выставки мы, школьники, потом еще долгое время мечтали только об одном — увидеть живого Сталина, услышать, как нам тогда внушали наши педагоги, его мягкую, добрую речь.

— Василий Прокофьевич! А мы с вами, оказывается, уже давно знакомы, — улыбаясь, сообщил я хозяину Тихона. — Это я у Джульетты принимал тогда роды и потом купировал хвостики у щенят. Могу вам сообщить, что кобельки в помете были точными копиями Тишки.

— Совершенно верно, — согласился со мной маститый художник и продолжил: — Одного щенка взял мой аспирант. Он мне сразу сообщил, что кутенок и внешне, и манерами походил на Тихона. А вы, значит, и есть тот самый доктор Анато-

лий Евгеньевич, который не раз спасал собак и кошек у наших знакомых?

— Иногда получается, — скромно отвечал я.

— Вот так и бывает, Анатолий Евгеньевич. Живем рядом несколько лет, а познакомиться поближе нам все никак не удавалось.

— Это, наверное, потому, что Тишка ничем не болел, вот и не приходилось ему общаться с ветеринарами, — поддержал я беседу.

— Действительно. Только вот этот случай неудавшейся вязки, когда ваши коллеги, Анатолий Евгеньевич, признали у Тишки простатит... Правда, мой приятель, профессор Бакулев, тогда мне объяснил, что у пятилетнего кобеля никакого простатита быть не может. Он хоть и человеческий врач, но очень опытный собаковод. У него дома всегда жили собаки. И вас, кстати, Анатолий Евгеньевич, он мне тоже как-то рекомендовал...

— Василий Прокофьевич, вы совершенно правы, — согласился я. — Откуда взяться простатиту у молодого кобеля, содержащегося в прекрасных домашних условиях и ни разу не побывавшего в сырой, холодной и промозглой норе? Тишкино нежелание спариваться с незнакомой сукой, присланной из клуба, объяснялось просто отсутствием между партнерами любви и влечения. Я об этом не раз говорил в своих лекциях в клубе декоративного любительского собаководства. А вот для выступления в охотничьем клубе все никак время не выкрою.

— Да, вы, доктор, правы. Тишка у нас в семье как человек. Такого за ним давненько не наблюдалось, чтобы он кем-то увлекся, как сейчас вашей красавицей Бикой. В последние годы его так сильно ни одна собака не волновала. Кстати, что это за такая редкая порода?

— Это бедлингтон-терьер.

— Да они же с Тишкой родственники! — в радостном порыве всплеснул руками Василий Прокофьевич.

— Совершенно верно, — отвечал я. — Дальние родственники. Правда, у иностранных специалистов, исследователей этой породы, зародилось предположение, что в искусственном создании бедлингтон-терьера участвовали грей-гаунды, иппеты, денди-димонты и еще кое-кто...

— Это, наверное, очень древняя порода, — предположил Василий Прокофьевич.

— Считается, что далекие предки этих собак жили в графстве Нортумберленд еще в XVII–XVIII веках, и только примерно в 1820 году несколько особей были завезены в небольшой шахтерский городок Бедлингтон, где нашлись почитатели этой породы, которые и начали заниматься целена-

те всю убогость его жилища: табурет, дощатое кресло и грубо сколоченный дешевый гроб...

— Действительно, вы правы, — согласился я с маститым художником, чувствуя свою промашку.

И чтобы как-то ее загладить, решил дать свой развернутый анализ картины, полностью соглашаясь с мнением именитого мастера.

— Действительно, в эту печальную по задумке картину, изображающую неподдельную скорбь преданной собаки по своему умершему хозяину, экзотический бедлингтон-терьер не вписался бы и к тому же оказался бы просто непонятен широкой английской публике. Тем более именно таким скорбным образом положить головку на крышку хозяйского гроба, чтобы одновременно все собачье тельце оказалось прильнувшим к деревянному ящику с телом усопшего, сравнительно небольшому по размерам бедлингтону было бы просто невозможно...

— Вы все правильно сказали, — подытожил обсуждение картины сэра Ландсира академик Академии художеств Василий Прокофьевич Ефанов.

И тут же поинтересовался количеством в нашей стране бедлингтонов и тем, есть ли у Бики жених.

— Бедлингтонов в СССР всего несколько особей. Наберется не больше десятка. А с женихами вообще плохо. Только Чарли да Нимбус. Оба из Германской Демократической Республики. И у меня есть подозрение, что они Бике приходится родственниками. Но о женитьбе мы, правда, еще и не думали.

— Красивые щенки получатся у Бики, — мечтательно предположил Василий Прокофьевич.

— Нет! Обычные фокстерьеры, только маленькие. Лишь в трехмесячном возрасте у них начинают проявляться горбатость и другие признаки овечки, да и то после первой стрижки, — разочаровал я его.

Глядя на мою собаку, Василий Прокофьевич неподдельно восхищался ее внешним видом. Особенно художнику нравился ее необыкновенно голубой цвет, а также нежная фактура шерстного покрова.

Пока мы разговаривали, Тишка с Бикой уже успели хорошо побегать. Фоксик устало лежал в траве в тени кустов, высунув язык на всю его длину, и часто-часто дышал с еле слышным присвистом, а Бика как ни в чем не бывало ходила недалеко от него и вынюхивала для себя что-то интересное.

Как я успел отметить, Тишка после непродолжительного бега с Бикой сравнительно долго приходил в норму, а его дыхание все это время сопровождалось небольшим посинением языка,

правленной селекционной работой. Где-то в середине XVIII столетия в Английском Королевстве они открыли клуб любителей бедлингтон-терьеров. Но, по-видимому, из-за слабой пропаганды этих собак большого распространения в Альбионе данная порода не получила. — И, как-то не подумав, добавил: — Почему-то и ваши коллеги, Василий Прокофьевич, особо не старались пропагандировать бедлингтон-терьеров. Никто из английских художников того времени так и не нарисовал красавца бедлингтона. Даже знаменитый сэр Эдвин Ландсир не соизволил сделать этого...

На мною сказанное Василий Прокофьевич выразил неподдельное удивление и тут же поинтересовался у меня, как я нахожу картину упомянутого мною Ландсира «Плакальщик».

— Потрясающая! — с видом знатока ответил я. — Но сэр Эдвин Ландсир изобразил у гроба своего умершего хозяина, к сожалению, не бедлингтона, а самую что ни на есть обычную деревенскую беспородную собаку.

— Ничего удивительного в этом нет, дорогой доктор. Причины вполне понятны, — пояснил Василий Прокофьевич. — Хозяин-то ее был ведь простым и очень бедным пастухом. Вы вспомни-

чего у здорового, даже пожилого пса быть не должно. Сердце у Тишки не в порядке, подумалось мне.

Чтобы не напугать и не расстроить Василия Прокофьевича, я попытался осторожно расспросить его о поведении и самочувствии Тишки во время прогулок на поводке, особенно при физических нагрузках — при подъеме по лестнице до лифта и так далее...

На что Василий Прокофьевич мне ответил, что, во-первых, он очень рад наконец-то состоявшемуся со мной знакомству, а во-вторых, он ничуть не удивится, если у его любимца Тишки обнаружится такая же сердечная болезнь, как у него самого. Что же касается его самочувствия...

— Тихон ведет себя почти так же, как я, — ответил Ефанов с грустью в голосе и добавил: — По болезни сердца меня, Анатолий Евгеньевич, наблюдает ваш сосед.

И Василий Прокофьевич назвал фамилию профессора-консультанта Четвертого управления Минздрава СССР, с которым мы действительно жили в одном доме.

— Я только вчера вечером прилетел из Голландии, а завтра уже приглашен в кремлевскую поликлинику, что в Сивцевом Вражке, — снимать электрокардиограмму будут. Что-то действительно в последнее время барахлит мой мотор. Мы с Тихоном, если так можно сказать, ровесники. Ученые же приравнивают год жизни человека к семи годам жизни собаки. Мне семьдесят, Тишке десять. Вот и получается семьдесят и семьдесят...

— А я бы вам дал не больше шестидесяти, — честно признался я Василию Прокофьевичу.

— Вот и в Амстердаме, где меня принимали в действительные члены Голландской академии художеств, никто не верил, что мне уже давно не шестьдесят. А знаете ли вы, Анатолий Евгеньевич, как голландцы меня называли?

— Рубенсом, — ответил я и для подстраховки поспешно добавил: — Мне кажется, у вас с ним схожая манера исполнения портретов. Острый психологизм, государственная значимость изображаемого лица, его подчеркнутая одухотворенность и так далее...

— Можно сказать, угадали, — весело засмеялся Василий Прокофьевич. И, чтобы меня не томить, ответил: — Голландцы меня называли Ефан Дейк!

— Действительно! — стукнул я себя по лбу. — Дурная моя башка. Конечно же, Ван Дейк. — И подкрепил сказанное, назвав его знаменитую картину «Карл I на охоте».

И тут же нашелся, как дополнить свой не совсем точный ответ, вовремя вспомнив, что Ван Дейк являлся учеником великого Рубенса.

Как мне показалось, Василий Прокофьевич испытал удовольствие от того, что познания ветеринарного врача в области искусства оказались не слишком уж на низком уровне. А еще, поняв я, он, беседуя со мной, сделал для себя немаловажный вывод о том, что не все ветеринарные врачи — коновалы.

Немного пообщавшись, мы обменялись домашними телефонами. Первые цифры номеров у нас начинались одинаково — 151, а остальные четыре каждый из нас легко запомнил. Взяв собак на короткие поводки, мы неторопливо направились по направлению к нашим домам. Самое интересное заключалось в том, что наши дома стояли рядом, а окна квартир располагались друг напротив друга. И если бы наши собаки любили полаять, то они наверняка бы смогли переговариваться друг с дружкой, то есть перелаяваться. Но Бика и Тишка, будучи собаками, правильно воспитанными, хорошо знали, что их лай может вызвать у соседей не только беспокойство, но и недовольство. Вот поэтому они никогда в доме не пытались лаять, даже тогда, когда им, наверное, очень хотелось поговорить и таким образом пообщаться друг с дружкой.

Окончание следует.